

Свободное время Гарри отдавал учебе. Выпускные экзамены приближались, и он жаждал реабилитироваться после провального прошлого года, когда, в отличие от Гермионы, он и Рон плелись в хвосте. Гарри хотел доказать им и преподавателям, что не так уж глуп, как они думают. После схватки с василиском и прочтения письма Салазара в нем проснулось желание заслужить уважение, положить конец издевкам. Спрятанные глубоко в душе амбиции вырвались наружу, словно подтверждая слова Сортировочной Шляпы, назвавшей Слизерин лучшим вариантом для него. Гарри усиленно готовился к экзаменам, чем немало удивил своих соседей по комнате. Он был уверен, что хорошо подготовился. Никто не спрашивал его об исчезновениях, о Тайной комнате. На время его оставили в покое, и это было ему по душе. Он посещал занятия, а затем отправлялся в Тайную комнату, где использовал Поворотник времени, о котором узнал из своих исследований. Узнав, что на самом деле его называют "Time-Tuned", он похвалил себя за удачную догадку. Это был ценный артефакт с ограниченным применением в Министерстве. Он держал свой "Тайм-Тёрнер" в секрете и использовал его для дополнительных занятий. Он был полон решимости получить высшие баллы, не собиравшись терпеть неудачу. Его целеустремленность и трудолюбие принесли плоды: экзамены он написал блестяще. Он чувствовал, как в нем просыпается его "слизеринская" сторона. В библиотеке Слизерина, в Тайной комнате, его ждало удивительное открытие: Поворотное устройство времени. Исследуя этот странный артефакт, он наткнулся на интересную информацию. Оказалось, Салазар наложил чары, которые копировали все книги, когда-либо попадавшие в библиотеку Хогвартса с момента ее основания и после смерти Слизерина. Зачарование не только вело их учет, но и добавляло копию книги в библиотеку в Тайной комнате. Это означало, что все книги Хогвартса, за исключением тех, что хранились в общих комнатах и личных библиотеках домов, имели свою копию в Тайной комнате. Это был настоящий подарок для Гарри. В библиотеке и ее закрытой секции было множество книг. Библиотекарь вел подробный журнал, где фиксировались все книги и их статус. Благодаря чарам Салазара, все книги, добавляемые и удаляемые, а затем классифицируемые и добавляемые в запретную секцию, также присутствовали в ней. Гарри мог выбирать любую книгу, не обращая внимания на ее опасность. Библиотекари Хогвартса подробно записывали причины ограничений доступа к книгам, установленные нынешними директорами. Гарри заметил, что Дамблдор ограничил доступ к большинству книг, став директором. Он не придавал этому значения, но держал в уме. Его амбициозная сторона проснулась, когда он увидел перед собой такое богатство знаний. Он начал читать все, что попадалось под руку. Он наткнулся на книги о таких темах, о существовании которых даже не подозревал. Некоторые из них изучались с третьего курса, а некоторые были прекращены. Его в первую очередь заинтересовали Древние Руны. — Претензия на звание лорда Слизерина, возможно, разбудила во мне амбициозность, — подумал Гарри. Он заметил, что в нем произошли перемены. Он чувствовал окружающие его чары, мог найти любого без усилий, как будто сам замок подсказывал ему, где искать. Он чувствовал связь с замком, с каждым кирпичиком, со всем, что происходило. Он мог попасть в любое место без паролей, знал все потайные ходы и комнаты на всех семи этажах. Сейчас он чувствовал себя в большей безопасности, чем в любое другое время своей жизни в Хогвартсе. Он думал о своих товарищах по дому, о доме в целом. Когда он думал о своем доме, ему казалось, что они его предали. Когда его нашли в неподходящем месте в самое неподходящее время, другие дома, в основном Хаффлпафф и Слизерин, обвинили его в этом. Хаффлпафф можно было понять, ведь они верны своим друзьям, а Слизерин имел право, ведь Гарри претендовал на роль их наследника, а он был гриффиндорцем, что добавляло соли на рану. Из-за Малфоя его ненавидели в Слизерине, а Рейвенкло сохраняло нейтралитет, просто наблюдая, что было лучше, чем издеваться над ним. Профессора не делали ничего, чтобы остановить издевательства. Особенно профессор МакГонагалл. Она, глава его дома, Гриффиндора, дома львов, ничего не сделала, чтобы остановить слухи и не говорить об издевательствах. Она молчала, как статуя, наблюдая за всем, не предпринимая никаких действий. Это заставило его переосмыслить свои решения. Он решил поступить на Гриффиндор, чтобы быть рядом с

первыми друзьями, Роном и Гермионой. Но даже они не поддержали его, когда его обвинили в том, что он — наследник Слизерина. Рон предал его, вместо того чтобы поддержать, что ранило Гарри сильнее, чем МакГонагалл. Рон был ревнивым идиотом, который не мог смириться со славой и деньгами, которые были у Гарри с их первой встречи. Гарри надеялся, что Рон изменится, повзрослеет и поймет его. Но Рон разрушил все надежды Гарри своим предательством и сквернословием за спиной. Что касается Гермионы, то она не предала его как такового, даже помогла, но снисходительный тон, которым она разговаривала с ним, и то, как она отвергала его мысли и идеи, как будто они были пустым звуком, не выставляли ее в положительном свете. Но он даст ей шанс, ведь она помогла ему, когда его обвиняли и называли наследником Слизерина. Он решил, что будет делать дальше. План, который мог быть невозможен для других, но он сможет осуществить его без проблем. Перед Праздником окончания года, комната Гарри... Гарри готовился к получению награды от школы за особые заслуги, мысленно укрепляя щиты Окклюменции и барьер, закрывающий его сознание в Mindscape. Приготовившись, он отправился в Большой зал, чтобы получить награду. Зайдя в Большой зал, он увидел, что все студенты сидят за столами своих факультетов. Его кольцо Лорда Слизерина было невидимым, чтобы сохранить тайну. Все профессора смотрели на него с благодарностью в глазах, конечно, кроме Снейпа. Снейп выглядел так, словно ему сказали что-то особенно отвратительное, и, в довершение всего, смотрел на Гарри так, словно тот на его глазах пнул и убил щенка Снейпа. Отвращение, презрение, злобная усмешка, исказившая черты лица Снейпа, вызывали у Гарри тошноту. Он с трудом заставил себя не смотреть на профессора, прошел к своему столу и сел в углу, стараясь слиться с тенью. Ел молча, не обращая внимания на шум и оживленные разговоры вокруг. — Прошу вашего внимания! — резкий, но приятный голос Дамблдора, словно по волшебству, заставил стихнуть все разговоры. — Прежде чем мы перейдем к обсуждению кубка Дома, — промолвил директор Хогвартса, Альбус Дамблдор, величественный старик с серебряной бородой, поднимаясь с кресла, напоминающего трон, и направляясь к подиуму за главным столом. — Я хотел бы сделать важное объявление. Все взгляды были прикованы к нему, словно сотни пар глаз впились в фигуру директора. Наступила тишина, нарушаемая лишь легким шорохом мантии Дамблдора. — По этому случаю, — продолжил Дамблдор, голос его звучал бодро и уверенно, — я хотел бы вручить мистеру Гарри Поттеру награду за особые заслуги перед школой. Она утверждена Советом управляющих и персоналом Хогвартса. Со всех четырех столов раздались вздохи удивления и шокированные шепоты. Студенты переглядывались, недоумевая, кто удостоился такой чести. — Как вы все знаете, — Дамблдор, казалось, не обращал внимания на перешептывания, — этот год был нелегким: наследник Слизерина и другие происшествия, происходящие в школе и вокруг нее. Мистеру Поттеру приходится проходить через многое, что может показаться другим неразумным. Эта награда присуждается для поощрения таких студентов, как он, которые имеют доброе сердце и помогают другим, ставя на кон свою жизнь. Я надеюсь, что вы сможете совершать подобные чудесные поступки и добиваться своей мечты. Пожалуйста, выйдите вперед, мистер Поттер, — сказал Дамблдор, жестом приглашая Гарри подойти к столу. Перед трибуной появился кубок со щитом. На кубке было выгравировано имя Гарри, а на щите — его данные: **Гарри Джеймс Поттер****2-й курс, школа чародейства и волшебства Хогвартс****Награда за особые заслуги****Год: 1992****Дом: Гриффиндор** Гарри стоял неловко, не зная, куда деть руки. Награды были двух частей: трофей и щит. Он чувствовал на себе множество взглядов, в которых читались удивление, недоумение, а может быть, даже зависть. В этот момент он чувствовал себя не героем, а каким-то странным выскочкой, который случайно оказался в центре внимания.